

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

НОВАЯ ПРАВЕДНОСТЬ. 5:17–20

17 Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. **18** Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё. **19** Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном. **20** Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное.

«Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16), – так звучали предыдущие слова Спасителя, сказанные Им Своим ученикам, то есть всем христианам. И дальше Он говорит о том, что это за добрые дела, а главное – что за внутреннее устройство лежит в их основе. Это праведность, или святость, – но святость существенно новая, иного рода, чем та, какой учили и какую практиковали книжники и фарисеи. Описанию этой новой святости и посвящена вся Нагорная проповедь, которую Матфей и предлагает как некий компендиум учения Иисуса.

Но прежде чем начать разговор об этом, следовало предостеречь учеников, особенно только что избранных апостолов, от одного серьёзного заблуждения, в которое они легко могли впасть. Всё великое и новое в мировой истории обычно начинается с ниспровержения старого. Иисус пришёл принести новое Царство Божие – и ученикам легко было счесть, что законоположения Ветхого Завета отныне должны быть отменены. К этой мысли их порой могла склонять и сама деятельность Учителя.

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

Нагорная проповедь была произнесена на пике Его галилейского служения. К тому моменту ученики уже не раз видели, что Он не считается с раввинистическими толкованиями Закона и даже резко их обличает. Могло сложиться впечатление, будто Он и к самому Закону относится не слишком строго. **(17)** Чтобы рассеять это впечатление, Господь с самого начала подчёркивает: Он пришёл не для того, чтобы упразднить хоть что-то в Законе, но, напротив, чтобы всё исполнить, то есть привести Закон к его полному раскрытию и осуществлению во всей глубине и полноте.

Здесь под «Законом» отнюдь не следует понимать, как полагают многие толкователи, только нравственный закон, противопоставляя его прочим предписаниям – обрядовым, гражданским или уголовным, которые составляют даже бóльшую часть ветхозаветного законоположения. Уже само слово «Закон» в том смысле, в каком его употребляли слушатели Иисуса, не совпадает с таким пониманием. То, что в следующих стихах Господь решительно включает в сферу Закона и «малейшие заповеди», ещё сильнее идёт вразрез со сведением всего ветхозаветного законоположения исключительно к нравственным требованиям. Если бы Иисус имел в виду только нравственные установления, то и среди Десяти заповедей пришлось бы искать те «малейшие заповеди», о которых Он здесь говорит, – что, конечно, вовсе не соответствует смыслу Его слов. Вместе с Законом Господь упоминает и пророков – в данном случае не потому, что Он пришёл исполнить их пророчества о Себе, а потому, что и они возвещали народу обязательные для всех требования Божии. Итак, обо всех этих установлениях и требованиях Иисус говорит, что Он пришёл их исполнить. Современники и ожидали от Мессии прежде всего восстановления Закона, но понимали это совсем в ином ключе, чем Господь. Великая надежда книжников состояла в том, что Мессия разрешит все юридические сомнения и затруднения, к которым привели их собственные казуистические толкования. Однако Иисус понимает Своё служение совсем не так. Он не стремится стать прославленным учителем одной из раввинских школ; Его цель совершенно иная.

(18) «Истинно говорю вам: доколе не прейдут небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдёт из Закона, пока не исполнится всё». Для Него важно не юридическое знание и толкование, а живое исполнение Закона Божия во всей его полноте. Это Иисус подчёркивает самым решительным образом, пользуясь привычным для того времени выражением: ни одна йота и ни одна черта из Закона не должны исчезнуть. Йота – самая малая буква еврейского квадратного письма, которое уже тогда употреблялось. Под «чертой», или «крючком», вероятно, имеются в виду не так называемые диакритические знаки (чёрточки и точки, различающие произношение

одинаковых письменных знаков), а просто украшения букв, которые вообще не влияют на чтение. Этим Иисус хочет сказать: никакое, даже самое малое, на первый взгляд излишнее предписание Закона не должно остаться неисполненным.

В данном изречении Он впервые употребляет слово «аминь» («Аминь говорю вам»), перевод которого как «истинно» далеко не достаточен. В то время «аминь» было конечным подтверждением того, что человек выражал полное и торжественное согласие со словом или поступком ближнего или даже навлечением на себя проклятия, если впоследствии он отступит от такого подтверждения. Иисус же, вопреки обычаю, ставит это выражение в начале речи и тем самым подкрепляет Свои последующие слова столь торжественным заверением. Наше «истинно» далеко не в полной мере соответствует этому значению «запечатления» сказанного.

На то, что в новом Царстве Закон сохраняет обязательную силу вплоть до своего полного исполнения, указывает следующий стих. **(19)** Когда Иисус называет того, кто нарушит «малую заповедь» в практике и учении, «малейшим» в Царстве Небесном, а того, кто исполняет её и учит ей, «великим», Он опирается на привычное для современников представление о том, что в раю существуют разные степени чести. Талмуд перечисляет семь таких степеней и многое говорит о них. Что в Царстве Небесном действительно будут различия в мере блаженства, следует и из других слов Иисуса, например, из Мф. 18:1–4; 19:27–30; 20:20–27 и проч.

В связи с решительным уверением Иисуса о том, что Он не намерен отменять ни одного, даже самого малого, установления Ветхого Завета, а напротив, требует их полного соблюдения и исполнения, возникает вопрос: каким же должно быть отношение христианина к Закону Моисееву? С одной стороны, уже с апостольских времён, особенно после Иерусалимского собора середины I века (Деян. гл. 15), ветхозаветный закон не имеет для христиан обязательной силы. С другой стороны, слова Господа непреложны (Мф. 24:35). Пытаясь разрешить это противоречие, толкователи – как старые, так и новые – по-разному переосмысливали сказанное Иисусом. Одни, как уже упоминалось, ограничивали понятие «Закона» только нравственными предписаниями. Другие истолковывали «исполнить» как «расширить», то есть придать Закону новое содержание, и в конечном счёте всё же «изменить йоту или черту». Но и то, и другое противоречит ясному смыслу слов Спасителя.

Разрешить это затруднение совсем несложно, если помнить, что Сын Божий стал человеком в определённом народе, к которому Он принадлежал, среди которого жил и к которому прежде всего говорил. Он обращается к иудеям, Своим современникам, и возвещает им: всякий закон Ветхого Завета – будь то предписание общего

нравственно-религиозного характера, обрядовое установление или норма уголовного либо гражданского права – должен соблюдаться, «пока не исполнится всё». Когда и каким образом в христианском духе исполняются отдельные, столь разные по своему характеру законы, Он здесь не раскрывает: Его непосредственные слушатели не могли уразуметь этого ни в малейшей степени. Пока существовал Ветхий Завет, а вместе с ним и иудейский народ, народ Завета, отделённый от прочего человечества, до тех пор сохраняли обязательную силу все законы Моисея без исключения – значит, и обрядовые тоже. Поэтому Сам Иисус тщательно соблюдал их там, где речь шла о подлинных законах, а не о человеческих толкованиях и искажениях. Так, исцелённых Им прокажённых Он непременно посылал к священникам; также, если не было серьёзных препятствий, Он в великие праздники ходил в Иерусалим, в храм. Только когда Он принёс Самого Себя в окончательную и совершенную Жертву на кресте, ветхозаветные жертвы были «исполнены». И только тогда утратили значение не только все постановления о жертвоприношениях, но и все законы об очищении и прочие обрядовые установления.

Впрочем, всего этого Иисус заранее не открыл и Своим апостолам. Ему многое надлежало им сказать, но они тогда *не могли этого вместить* (Ин. 16:12). *Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину* (Ин. 16:13). Поэтому Господь, как мудрый воспитатель, не стал смущать умы учеников, но предоставил самому ходу истории под водительством Святого Духа разрешать такие вопросы. Поэтому и первые христиане в Иерусалиме ещё усердно ходили в храм, хотя в своих домах уже совершали святую Евхаристию. Это было необходимо не только потому, что храмовое богослужение составляло часть национально-религиозной жизни Израиля и едва ли могло быть отделено от неё, но и потому, что иначе миссия среди иудеев – то есть созидание Церкви иудеями-учениками Христовыми – была бы невозможна, поскольку все считали бы их «отступниками». Синагога должна была органически преобразиться и вырасти в Церковь. Только когда ко Христу начали обращаться язычники, вопрос приобрёл остроту – и был мудро, соответственно обстоятельствам времени, решён Апостольским собором (Деян. гл. 15). Но и после этого иудеохристиане ещё долго сохраняли обрезание. Хотя по ясному учению апостола Павла «обрезание плоти» бесполезно для Царства Божия, оно оставалось в иудеохристианской среде как не только религиозное действие, но и национальный знак принадлежности к народу, который всё ещё первым имел право на Евангелие. Так и Павел, хотя сам именовал себя апостолом язычников, всё же считал своим долгом в каждом городе прежде всего идти в синагогу и проповедовать Иисуса своим – и Его –

соотечественникам (см. также Деян. 16:3). И только когда в 70-м году совершился предсказанный Господом карающий Суд – был разрушен Святой Город и прежде всего храм, а иудейский народ вынужденно рассеян среди других народов, – последние остатки национальных законов, сохранявших до тех пор силу, естественно прекратили своё действие, и тем самым исполнилось их историческое предназначение.

Но всё же одним лишь желанием предостеречь учеников та резкость, с какой Господь подчёркивает Своё положительное отношение к Закону, до конца не объясняется. Без сомнения, Его слова должны были служить и защитой от обвинений фарисеев в том, что Он пренебрегает Законом, которые к тому времени уже звучали достаточно громко. Поэтому Матфей, писавший для иудеев, и передал эти слова Иисуса столь выпукло – тогда как Лука совсем их опускает. Но именно это резкое подчёркивание особенно хорошо помогает понять, сколь глубоко Его понимание того, что, собственно, есть «исполнение Закона», расходится с фарисейским.

(20) «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное». Чтобы понять всё значение этого важнейшего положения духовно-нравственного учения Иисуса – которое выходило далеко за рамки религиозно-этических представлений Его времени и, можно сказать, прямо переворачивало их, – нужно знать, что книжники и фарисеи понимали под «праведностью».

Книжники и фарисеи – не одно и то же. Книжники усердно изучали Закон, вычитывали из него (а иногда и «вчитывали» в него) определённое учение и преподавали его в своих школах. Многие книжники тяготели к фарисеям (впрочем, до разрушения Иерусалима, то есть до исчезновения саддукейской партии, существовали и саддукейские книжники). Многочисленная партия фарисеев, пользовавшаяся большим авторитетом в народе, широко распространяла это учение и стремилась строгим его исполнением упрочить его значимость.

Что же это было за учение? Согласно ему, человек, то есть израильтянин, способен приобрести себе спасение своими собственными силами. Искупитель ему для этого не нужен. Задача Мессии – освободить народ от политического рабства, а не от греха. Синагога в своих наставлениях не учитывала первородный грех и его нравственные последствия. Да, в каждом человеке есть злое влечение, но доброе влечение по природе сильнее, и человек с помощью Закона способен последним победить первое и тем самым стать праведным, и, следовательно, спастись. Как это происходит? В Законе, с его 248-ю заповедями и 365-ю запретами, Бог точно указал, что человек должен делать и чего избегать. Значит, что не запрещено, то дозволено; и

что напрямую не заповедано, то для человека не обязательно. Виновен перед Богом становится тот, кто прямо преступает Закон; поэтому главное – точно знать, что именно содержат все 613 отдельных его установлений. Отсюда такая важность изучения Торы и такое возвышенное, почётное положение книжника в глазах всего народа. Он как бы держит в своих руках ключи от Царства Небесного (ср. Мф. 23:13). При этом Закон понимается почти как человеческий свод законов: нужно по всем правилам юридического толкования, тщательно взвешивая отдельные выражения и сопоставляя их между собой, скрупулёзно установить точное значение каждого установления. Так можно определить, что в нём содержится, а что нет; какое действие требуется, чтобы исполнить заповедь, а какое уже выходит за её пределы; на что распространяется запрет, а на что нет; когда совершено намеренное нарушение, а когда – только случайное; когда одно установление в определённом случае отменяется или изменяется другим, и так далее. Нарушением Закона, а значит и виной, считается только то, что противоречит его точно выясненному буквальному смыслу.

Как следствие, то же самое относится и к исполнению Закона. Кто выполняет буквальное предписание заповеди, тот её соблюл и тем самым приобрёл заслугу перед Богом. Конечно, многие раввины мыслили шире, и считали, что поступок ценнее, если, например, он совершён после тяжёлой внутренней борьбы со злым влечением или не из страха, а из любви к Богу. Но основная ценность всё же состоит в исполнении буквы как таковой. Впрочем, заслуги можно приобрести и некоторыми делами, которые не входят в число строго обязательных предписаний: например, определёнными видами милостыни, молитвы, различных дел любви – посещением больных, принятием странников, помощью бедным невестам с приданым, поддержкой неимущих книжников и многим другим. Подобные дела перечисляются и обсуждаются в разных местах Талмуда.

Бог ведёт точный счёт всем этим отдельным делам, как добрым, так и злым. Если человек нарушил заповедь, в Божию книгу это вносится как долг; если он исполнил заповедь или совершил какое-либо доброе дело, Бог записывает это как заслугу. Праведен перед Богом тот человек, у которого в итоге счёт заслуг больше счёта долгов, совсем как у купца – соотношение прихода и расхода. И напротив, неправедным считается тот, у кого перевешивает счёт долгов. Если же оба счёта равны, такой человек считается «средним». Согласно более мягкой школе рабби Гиллеля, современника Иисуса, Бог после смерти такого «среднего» человека по Своей милости изымает одну долговую расписку, так что счёт заслуг начинает

перевешивать, и этот человек тоже попадает в рай. Однако столь же знаменитый рабби Шамма́й не соглашался с этим.

Бог же считает совсем иначе. Точнее, Он вообще не ведёт счёт, как торговец, который складывает и вычитает дебет и кредит. Бог смотрит в сердце человека, на его внутреннее устройство, и по нему выносит общий суд обо всей его жизни. Отдельные поступки получают своё нравственное качество, доброе или злое, в той мере, в какой они исходят из внутреннего расположения человека. Поэтому только Бог, Всеведущий и Сердцеведец, может вынести верный суд о человеке. Ни сам человек, ни его ближние на это не способны (ср. 1 Кор. 4:3–5). В силу этой неспособности человек по своей падшей природе расположен к фарисейству, и фарисеи никогда не исчезнут, пока существуют люди. Человек хочет иметь ясную, легко применимую меру для оценки как своих действий, так и поступков других. Поэтому он всегда склонен превращать требования нравственности, уходящие в неисследимую глубину сердца, в требования права, которое довольствуется внешними, взвешиваемыми и измеряемыми действиями.

Наивысшего расцвета это фарисейство достигло как раз во времена Иисуса и в последующей иудейской книжнической учёности. Раввинистическое изучение и толкование Писания превратило нравственные заповеди Божии в уголовно-правовой кодекс, который служил полем для самых невероятных адвокатских ухищрений. Как далеко зашло это растворение всякой нравственности во внешнем праве – вплоть до прямого превращения глубочайших нравственных требований в правовые карикатуры, – тому Талмуд даёт бесчисленные примеры; с некоторыми из них мы ещё встретимся.

Тот, кто был достаточно сведущ в Законе и его фарисейском толковании, мог то и дело обманывать даже и Самого Бога в Его велениях, если ему удавалось искусно соединить некоторые законоположения, служившие разным целям. Это называлось «поступать находчиво». Например, в книге Левит было предписано: *всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу: это святыня Господня; если же кто захочет выкупить десятину свою, то пусть приложит к цене её пятую долю* (Лев. 27:30–31), – то есть при покупке должна быть выплачена стоимость самой десятины плюс двадцать процентов от этой суммы. Раввинское искусство толкования вывело, что эти двадцать процентов должен платить только владелец, потому что в Законе сказано: «выкупить десятину *свою*» (Лев. 27:31). Поэтому выкуп десятины поручался взрослому сыну или дочери, рабу или рабыне; при этом говорилось: «вот тебе деньги, выкупи эту десятину *для себя*». Так можно было

сэкономить двадцать процентов – сын или раб не был владельцем, а значит, не должен был платить прибавку. И таких примеров достаточно.

Фарисейская праведность в результате всего этого свелась лишь к внешней правильности, какое бы строго религиозное значение ни придавали ей фарисеи – *строжайшее учение в нашем вероисповедании*, как обозначил эти взгляды апостол Павел перед царём Агриппой и его сестрой Вереникой (Деян. 26:5). Конечно, для Царства Божия такой праведности было недостаточно, поскольку она была религиозно и нравственно бесплодна. Поэтому Христос видел необходимость вновь обратить людей от буквы заповедей к их духовно-нравственному смыслу и показать, какие глубокие и далеко идущие нравственные требования были заложены в установлениях Закона и ожидали своего исполнения. Кратко можно сказать так: Он хотел вновь обратить право в нравственность, и в конечном счёте – в любовь, в ту любовь, которая, как учит Павел, уже не нуждается в законе, потому что сама, свободно и непосредственно, совершает всё то, что право может требовать лишь принуждением. В этом и состоит глубочайший смысл и содержание Нагорной проповеди. Её значение, производившее настоящий переворот в представлениях того времени, мы и сегодня едва ли способны осознать во всей полноте.

Закон, по́нятый так, как понимает его Иисус, предъявляет людям требования, которых ни один человек не может исполнить собственными силами. Уже и все малые и мельчайшие предписания 613-ти установлений Моисеева Закона и тысячи их толкований, ничего не упустив, выполнить было невозможно. Однако здесь важно было только одно: чтобы сумма заслуг хотя бы на единицу превышала сумму долгов. При великом множестве тех или иных установлений и всевозможных добрых дел достичь этого было не так уж трудно. Но та внутренняя святость, которой требует Закон в понимании Христа, несомненно превосходит человеческие силы. Для этого нужен Искупитель и Его благодать, и именно на это должно быть обращено главное внимание. Та́к Иисус разрушал не только присущее книжникам и фарисеям понимание Закона, но и тот религиозно-нравственный фундамент, на котором оно держалось. Им пришлось бы разодрать все свои учительные книги, сойти с высоких кафедр и вместе с мытарем ударять себя в грудь: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!» Фарисей Савл позднее так и сделал – когда на пути в Дамаск молния благодати сбросила его с коня. Остальные ни за что не хотели такой перемены. И потому борьба между ними и Иисусом стала неизбежной – борьба не на жизнь, а на смерть. Именно это слово – «если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (ст. 20) – собственно говоря, и привело Его на крест.

